

Русская мысль. — Свящ. Георгий Чистяков
 Париж — 2000. — 19 окт. — с. 13.

«Я изучил науку расставанья...»

Еще раз о Мандельштаме и античности

И верно, в России — революция, а поэтому тысячи людей оказываются в эмиграции: кого-то уже выслали, как Овидия, кто-то больной или умирающий от тифа оказался вдали от дома, как Тибулл. Действительно, «все повторится снова». Наверное, именно поэтому в стихах у Мандельштама всплывают образы не только из римских авторов, но и из Анны Ахматовой. Такой же неточно процитированный, как и фрагменты из элгий Овидия или Тибулла, стих: «Как беличья распластанная шкурка». Поэт заимствовал эти слова из ахматовского стихотворения «Высоко в небе облачко серело...», написанного в 1911 г. и опубликованного в книге «Вечер». В книге, которую тогда читали и знали на память чуть ли не все.

«Нам только в битвах выпадает жребий», — говорит, заканчивая свое стихотворение, Мандельштам, довольно точно цитируя элегию Тиртея, спартанского поэта, которому принадлежат знаменитые и потом повторенные уже на латыни Горацием слова «доля завидная пасть в передних рядах ополчения...». Мандельштам мог знать эти стихи как по-гречески, так и в появившемся как раз в те годы переводе, сделанном одним из его петербургских учителей — блестящим Г.Ф.Церетели.

А за окном уже идет гражданская война, и действительно погибают мужчины всех возрастов. «Все было встарь, все повторится снова». Об этом писал (в VII веке до н.э.) и предшественник спартанца Тиртея, малоазиатский поэт Каллин из Эфеса, тоже переведенный Церетели, который, говоря о том, что «достохвально и славо для мужа за родину биться», напоминал, что «смерть тогда лишь наступит, когда нам на долю Мойры ее нарядут». Вот он, тот самый «жребий», что появляется в стихах у Осипа Мандельштама.

«А им дано гадая умереть», — говорит поэт о женщинах. И сразу вспоминается и Левкоя из знаменитой оды Горация, которой поэт советует не обращаться к вавилонским гаданьям, и возлюбленная Тибулла Деция и даже образочная и интел-

лектуально одаренная Кинфия, подруга Секста Проперция. Делия, как рассказывает сам Тибулл, когда он уезжал из Рима, «наперед всех спросила богов... три раза брала у мальчика жребий священный» и, хотя «рок возвращение сулил», никак не могла успокоиться и все лила и лила горькие слезы.

Остается петь, что «на заре какой-то новой жизни», как говорит Мандельштам, «на городской стене крылами бьет». Выражение «новая жизнь» заставляет вспомнить о Данте и об «Итальянских стихах» Блока, где «тьнь Данта... о новой жизни мне поет», но похоже, что Данте здесь ни при чем. Осип Мандельштам в Гейдельберге недолго, но довольно серьезно занимался изучением старофранцузской поэзии и происхождением романских языков. В этот период он, без всякого сомнения, не мог пройти мимо латинских стихов святого Амвросия Медиоланского, среди которых особое место занимает «Hymnus ad galli cantum» («Гимн на пение петуха»).

Амвросий — не только великий святой и учитель Августина, но и первый поэт еще не начавшегося в его времена Средневековья. Он вводит в поэзию новые размеры и новые темы, но при этом отталкивается от того материала, что находит у римских поэтов. В «Гимне на пение петуха» используется материал из элегий Овидия, посвященной наступлению утра, но сам петух, что будит спящих и упрекает тех, кого разморил сон, появляется только у Амвросия, и именно как «ргаесо», или «глашатай» нового дня. У Мандельштама — «глашатай новой жизни». И это вполне оправданно, ибо крик петуха, по мнению святого Амвросия, символизирует то духовное пробуждение, к которому зовет человека Христос.

Об этом он подробно говорит в своем «Гексамероне» или «Шесто-

дневе» (VI, 24): «Когда он начинает петь, разбойник оставляет свои козны, и сама Денница, поднимаясь, восходит, освещая небо; когда он начинает петь, объятый страхом моряк избавляется от уныния... Крик его всем возвращает надежду, облегчает страдания больных, смягчает боль в ранах...»

Далее Амвросий размышляет о том, что апостол Петр в Евангелии ночью пугается и падает, а сразу «после крика петуха становится смелее и уже оказывается достойным того, чтобы на него взглянул Христос». Как считает Амвросий, именно с утреннего пения петуха для Петра начинается новая жизнь: «pulsata est negatio, secuta confessio» — «отвергается отрицание, утверждается исповедание». И не случайно примерно в это же время Мандельштам напишет о том, как он христианства пьет «холодный горный воздух». Воздух новой жизни и обретенной личной веры.

Стихотворение, которое носит латинский заголовок «Tristia», все от начала до конца пронизано образами чисто римского происхождения. За исключением не совсем понятно почему попавшего в него акрополя. Но и это типично для Мандельштама. Ведь он, когда писал о том, как «греки сбондили Елену по волнам», тоже словно забыл, что «сбондили» ее совсем не греки, а троянцы. Вернее, царевич Парис по наущению Афродиты.

Словно забыл, что именно поэтому греки пустились в путь через то море, что «витийствуя, шумит и с тяжким грохотом подходит к изголовью», на кораблях, список которых — разумеется, по-гречески — он «прочел до середины», как говорит об этом в стихотворении «Бессонница. Гомер. Тугие паруса...». Что именно поэтому и началась Троянская война. Об этом знает каждый школьник, а он, в недалеком прошлом студент-филолог,

профессионально изучавший латынь и греческий, этого почему-то не помнит.

Не помнит, скорее всего, сознательно, потому что культура, поэзия, живопись, вообще все то, что всплывает в памяти поэта, — для него фак-

Овидий.

ты не всемирной истории, изложенной в учебниках и словарях, но его личной биографии, его личного, его собственного опыта, зафиксированного исключительно «на плотных скрижалях сердца», если воспользоваться выражением апостола Павла.

Мандельштам с легкостью дает своему читателю (даже не самому образованному) поводы упрекать его в слабой информированности, элементарных ошибках и простом незнании материала, но при этом оказывается тончайшим и уникальнейшим — и в высшей степени образованным интерпретатором античной поэзии, которая не складывается, как это часто бывает, в его памяти, а живет в глубинах его «я» абсолютно органично и естественно.

Москва

Мандельштам О.

19.10.2000

312